

А. Р. ВЛАДИМИРСКАЯ

Франц
ЛЕГАР

• САНКТ-ПЕТЕРБУРГ •
• МОСКВА •
• КРАСНОДАР •

ББК 85.335.43

В 57

Владимирская А. Р.

В 57 Франц Легар. 2-е изд., испр. — СПб.:
Издательство «Лань»; «Издательство ПЛА-
НЕТА МУЗЫКИ», 2009. — 224 с. (+ вклей-
ка, 24 с.). — (Мир культуры, истории и фи-
лософии).

ISBN 978-5-8114-0878-8

Книга представляет собой исторический очерк об
одном из корифеев венской оперетты, его художест-
венных взглядах и творческой эволюции.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 85.335.43

Обложка *А. Ю. ЛАПШИН*

Издательство «ЛАНЬ»

lan@lpbl.spb.ru; www.lanbook.com

192029, Санкт-Петербург, Общественный пер., 5.

Тел./факс: (812)567-29-35, 567-05-97, 567-92-72

«Издательство ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»

www.m-planet.ru

192029, Санкт-Петербург, Общественный пер., 5.

Тел./факс: (812)567-29-35, 567-05-97, 567-92-72;

apeterson@mail.ru; chief@m-planet.ru

© «Издательство ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2009

© А. Р. Владимирская, 2009

© «Издательство ПЛАНЕТА МУЗЫКИ»,
художественное оформление, 2009

*Я человек настоящего времени,
а все настоящее время не что иное,
как огромная мастерская для
следующего поколения.*

Ф. Л е г а р

СОДЕРЖАНИЕ

**ПЕРВЫЕ ШАГИ. 1870–1904
(5)**

**В ЗЕНИТЕ. 1905–1910
(59)**

**КРИЗИС. 1911–1923
(119)**

**СЛЕЗЫ. 1924–1948
(165)**

**ОПЕРЕТТЫ И ОПЕРЫ Ф. ЛЕГАРА
(219)**

**ЛИТЕРАТУРА
(223)**

ПЕРВЫЕ ШАГИ

1870 – 1904

Детство • Пражская консерватория • Бармен-Эльберфельд • Лошонц • Пола. «Кукушка» • Вена. «Золото и серебро» • «Решетник» • Мицци Гюнтер и Луи Тройман • «Венские женщины» • «Божественный супруг» • «Шуточная свадьба».

К концу XIX века в молодом жанре оперетты, возникшем в Париже, наблюдаются коренные изменения. В результате французская оперетта уступает первенство венской, и, соответственно, «опереточная столица» перемещается в Вену.

Почему это произошло?

Долгие годы французская оперетта питалась талантливым и счастливым содружеством: Оффенбах — Мельяк — Галеви. Лучшие образцы жанра — «Прекрасная Елена», «Синяя борода», «Парижская жизнь», «Герцогиня Герольштейнская» и ряд других — были созданы этим великолепным терцетом. Содружество их распалось к началу 1870-х годов.

После франко-прусской войны изменился самый характер жанра. Оперетта утрати-

ла свой пародийный дух, склоняясь к романтизму и сентиментальности. Ш. Лекок и Р. Планкет, авторы «Дочери мадам Анго» и «Корневильских колоколов», ставших классикой жанра, не смогли, однако, создать жизнеспособное направление, и французская оперетта начала хиреть. Верх над ней взяли малые формы эстрады, кафешантан и ревю.

В то время Вена давно уже славилась как город блистательных музыкальных традиций. Здесь творили Гайдн, Моцарт, Бетховен, Шуберт. Еще при Оффенбахе появляются произведения Ф. Зуппе, расцветает могучее дарование И. Штрауса-сына; и хотя венская оперетта на первых порах сильно походила на французскую и по музыкальному языку, и по сюжетам, все же довольно рано наметились различия.

Они были обусловлены не только чисто национальными факторами, но и тем политическим положением, в котором Австрия находилась после Венского конгресса 1814–1815 гг.

«На всех границах, где только австрийские области соприкасались с какой-либо цивилизованной страной, в дополнение

к кордону таможенных чиновников был выставлен кордон литературных цензоров, которые не пропускали из-за границы в Австрию ни одной книги, ни одного номера газеты, не подвергнув их содержания двух- и трехкратному детальному исследованию... Австрию почти совсем не знали в Европе, точно так же как и Европу почти не знали в Австрии». (*Ф. Энгельс. Революция и контрреволюция в Германии.*)

Такое обособленное положение не могло не повлиять на выработку специфических черт австрийского искусства. И французская оперетта, с которой венцы познакомились в 1856 г., уронила свои семена на почву благодушной развлекательности с оттенком некоторого самолюбования, переходящего в «венский шовинизм». Именно эта развлекательность породила знаменитый венский вальс, сыгравший позже такую важную роль в оперетте. Другим характерным признаком венской оперетты стал венгерский музыкальный элемент, ритмы вербункоша, появившиеся в ней очень рано, уже в 1860-х годах (Напомним, что в 1867 году возникло двуединое государство Австро-Венгрия.)

Создателем венской оперетты считается полуитальянец-полуавстриец Франц Зуппе. Его одноактные и многоактные опусы («Десять невест и ни одного жениха», «Прекрасная Галатейя», «Фатиница», «Донна Жуанита» и особенно «Боккаччо») отличаются крупными, развитыми музыкальными формами, смыкающимися с оперой, но не имеют того яркого национально-жанрового своеобразия, которым отмечено творчество И. Штрауса, К. Миллекера, К. Целлера.

В венской оперетте проблема либретто сказалась рано и остро. Австрия никогда не была сильна драматургами. Несколько раз композиторы обращались к французским сюжетам. Позже сформировались свои либреттисты — Ф. Цельль, Р. Жене, Б. Бухбиндер и другие. Некоторые из них были связаны и с драматическим театром. Они пробовали себя в разных сюжетах, были у них удачи и неудачи, но почти всегда после очередной премьеры критика отмечала несоответствие, несоизмеримость дарований композитора и драматурга. Это специфическая беда венской оперетты, которую позднейшие поколения актеров преодолевали по-своему и не всегда успешно.

Ощутилась необходимость в некоем рецепте, выработке определенной отточенной формы опереточной пьесы, чтобы не блуждать наощупь в сюжетах и развязках; чтобы прояснились связи и пропорции музыки и драматургии, оказав влияние тем самым и на музыкальную форму; словом, чтобы венская оперетта с обретением собственного, законченного, неповторимого облика и структуры начала бы новый этап своего развития.

Зуппе умер в 1895 г., Целлер — в 1898, Штраус и Миллекер — в 1899. Оперетта осиротела. Необходим был новый самобытный талант, способный осуществить реформу и довести жанр до высшей точки его развития. Такова в общих чертах обстановка, подготовившая появление Франца Легара.

Этот художник — одно из самых парадоксальных явлений жанра. Он создал новую форму оперетты, приведя ее в соответствие с прежними традициями, — и он же оказался родоначальником тех клише, которые и поныне ставят в упрек жанру. Однако он пытался опровергнуть им же созданный штамп, дерзнув отказаться от комедии, от обязательного хеппи-энда. То, что делал Ле-

гар в последний период творчества, современники даже не считали опереттами — эти странные произведения именовались «легариадами». Они примыкали, с одной стороны, к лирической опере; с другой стороны, через несколько десятков лет «легариады» передают эстафету современному мюзиклу. Художнический облик Легара во всем его своеобразии мог сложиться только на рубеже XX века, в тревожном предчувствии исторических катаклизмов. Отсюда меланхолический, мрачноватый колорит его мелодий и оркестра, который один критик назвал даже «зародышем смерти». И вместе с тем творчество Легара еще крепкими корнями связано с традициями легкой музыки старой Вены.

Ему предписывают французское происхождение. По преданию, некий Ле Хар, офицер наполеоновской армии, в 1805 году, во время Аустерлицкой битвы, был взят в плен австрийцами; при транспортировке бежал в Моравию, где его укрыла девушка, его будущая жена; Ле Хар остался с ней, обрабатывал землю и стал родоначальником Легаров. Другое предание связывает эту фамилию

с трансформацией славянского слова «лекарь». (Ее произносят с ударением на первом слоге не только венгры и чехи, языкам которых вообще свойственна перетяжка ударения в начало слова, но и румыны, а также немцы и англичане.) Ни одна из версий не имеет документального подтверждения, да и вряд ли это важно.

Дед Легара с отцовской стороны был владельцем стекольной мастерской в местечке Шенвальд. Старший его сын стал также стекольщиком и столяром, двое других посвятили себя музыке. Один из них, Франц, родившийся в 1838 году, в 17 лет уже играл на валторне в оркестре «Театра ан дер Вин», потом служил военным капельмейстером, немного и сам сочинял, а в 32-летнем возрасте стал отцом другого Франца, который — как острили современники — оказался самым удачным «опусом» своего отца.

Сейчас его иногда называют Ференцем. Венгерская форма имени больше пристала ему — коренному венгру, и соотечественники по праву утверждают сегодня четкую национальную принадлежность своего композитора. Родители его были венграми, вен-

герский язык был его родным языком; однако и члены семьи, и друзья звали его только Францем. Сам он в раннем возрасте создал уменьшительную форму своего имени — Ланци.

Итак: Франц Легар, сын военного капельмейстера Франца Легара и его жены венгерки Христины Нейбрандт, родился 30 апреля 1870 года в венгерском городке Комморне. Сюда забросила отца кочевая армейская жизнь. Рождение первенца не могло изменить ее уклада.

Из Комморна семейство направилось в Пресбург (ныне Братислава), затем в Эденбург (ныне Шопрон), Карлсбург (ныне Алба-Юлия), Клаузенбург (ныне Клуж), Будапешт, Прагу, Вену, Сараево, Кронштадт (австрийский) — через всю «лоскутную» австро-венгерскую монархию, население которой состояло тогда, кроме австрийцев и венгров, также из чехов, румын, словаков, хорватов, евреев, итальянцев и десятков более мелких национальностей. Всех их объединяла рука императора, стареющего Франца Иосифа, предпоследнего Габсбурга, царствовавшего рекордно долго — 68 лет.

Разноязыкая толпа, встречавшая приезжих в каждом городе, пестрота их национальных костюмов, их голоса и песни стали первыми впечатлениями маленького Франца. Пленительны были венгерские песенки, которые любила напевать мать. Радостно, приподнято звучали на парадах и балах военные марши, исполняемые оркестром под управлением отца.

Мальчик был музыкален, и это никого не удивляло. Иначе и быть не могло — ведь он сын капельмейстера! В пять лет он не только знал ноты, но мог импровизировать на заданную тему, даже при накрытой полотенцем клавиатуре, — трюк, приписываемый маленькому Моцарту. В шесть лет написал песню с собственным текстом, посвятив ее матери. «Я чувствую, что я глубоко болен душой» — так начинался первый опус Легара-младшего. Для шестилетнего ребенка странное чувство. Может быть, он уже тогда бессознательно схватил пессимистическую тенденцию музыки конца XIX века. Отец мечтал, что Ланци будет хорошим скрипачом, а может быть, даже и дирижером... Часто они музицировали вдвоем, разыгры-

вая в четыре руки сложные фортепианные вещи и ловя друг друга на ошибках.

Музыка входила в жизнь юного Легара не как приятное дополнение, развлечение или игра — она была частью самой жизни. На уроках в Будапештской гимназии Франц писал ноты на тетрадах и учебниках. Впрочем, он недолго оставался в гимназии. Возникла настоятельная необходимость изучить немецкий язык — государственный язык империи. Два года юный Легар проводит в моравском городе Штернберге и в 1882 году, «вооруженный» немецким языком, успешно держит экзамен в Пражскую консерваторию. Двенадцатилетний мальчик — студент. Детство кончилось, начался самостоятельный путь.

Пражская консерватория была тогда заведением для отпрысков знатных чешских фамилий. Вступительные экзамены, довольно трудные, давали право выдержавшему их в любом случае оставаться в консерватории в течение шести лет. Франц стал учеником профессора Ферстера по теории музыки и директора Беневитца по классу скрипки. «Стремись хорошо овладеть этим инструментом, —

наставлял его в письмах отец, — дельный скрипач никогда не пропадет, он всегда найдет себе хлеб».

Годы учения были трудными. Помогала железная целеустремленность. Пришлось выправлять ту полулюбительскую манеру игры, которую он почти самоучкой усвоил в детстве. Легар изучает Баха и Бетховена, посещает оперные спектакли, пробираясь на них чаще всего без билета и с вожделением глядя на дирижерский пульт... Самыми сложными оказались проблемы питания и квартиры. Просить денег у родителей он не чувствовал себя вправе — в семье были младшие братья и сестры.

Франц ютился у разных хозяек, в дешевых комнатухах; одна находилась над ледяным погребом, так что ему приходилось упражняться на скрипке, сидя на кровати; в другой стол оказался ему не по средствам, в третьей была невообразимая грязь. Он переезжал с места на место, худел, бледнел, раз даже упал на улице от головокружения. Однако домой шли бодрые письма с описанием занятий, концертов и спектаклей — ни слова о нужде.

Однажды его навестила мать и испугалась его худобы и бледности. Но Франц ничем не выдал своих затруднений и сумел убедить мать, что у него все в порядке. И только когда мать уже сидела в вагоне, который должен был увезти ее в Будапешт, он не выдержал. Поезд тронулся, и Христина услышала отчаянный крик: «Мама! Мама!» Сердце ее дрогнуло, она высунулась из окна, готовая выпрыгнуть на ходу. Но Франц уже взял себя в руки. Он бодро шел по перрону, улыбаясь и махая платком.

Вскоре пришло спасение. В 1884 году полк отца перевели в Прагу. Теперь Франц-младший мог снова жить в семье. На старших курсах консерватории директор Беневитц познакомил его с Антонином Дворжаком. 16-летний юноша и 70-летний маститый композитор сблизились. Дворжак сыграл юному другу несколько своих новых композиций; рискнул и Легар, замирая от волнения, показать ему свои. Это были две сонаты, скерцо и каприччио. Дворжак просмотрел их очень внимательно. «Недурно, очень недурно», — бормотал он. Дойдя до конца последней сонаты, он положил рукопись на

стол и веско произнес: «Повесь скрипку на гвоздь и будь композитором!» Легар, давно уже бравший тайком частные уроки композиции у профессора З. Фибиха, был окрылен. Он твердо решил бросить консерваторию и заниматься только у Фибиха. Но отец решительно воспротивился этому плану: композитор — не профессия! Воздушные замки — не средство к существованию, необходимо иметь регулярное жалованье. Его собственные сочинения не принесли ему богатства. То ли дело скрипач, аккомпаниатор с консерваторским дипломом! Такой человек всегда найдет себе заработок. Нет, нет, консерваторию кончить необходимо.

Легар-старший был по-своему прав. Во всяком случае нельзя обвинить его в том, что он не видел тогда разницы между собой и сыном. Сын послушался, остался в консерватории и в 1888 кончил ее, исполнив на публичном выпускном экзамене популярный скрипичный концерт Макса Бруха — немецкого дирижера и композитора.

Итак — полная самостоятельность и свобода! Конечно, Легар не хотел и думать о том, чтобы рассчитывать на помощь родите-

лей. Представилась возможность поступить в музыкальный театр в Бармен-Эльберфельде первым скрипачом-концертмейстером, на жалованье 150 марок в месяц. Здесь произошло первое театральное крещение Легара. Небольшой профессиональный театрик, вынужденный часто выпускать премьеры, познакомил его с неповторимой спецификой кулис: напряженная атмосфера репетиций и спектаклей, споры с дирижерами, актерские капризы и восторги, зависть и клевета, сладость аплодисментов, несущихся каждый вечер из зрительного зала (пусть предназначавшихся пока не ему), — все то, чем театр отравляет необратимо и навсегда. Легар считал Бармен-Эльберфельд школой жизни, показавшей ему театр изнутри. Но заполненный работой день не позволял сочинять. Громадная нагрузка не окупалась маленьким жалованьем.

В это время Легару-старшему удалось получить место военного капельмейстера в Вене. Ему нужен был солист-скрипач. Разумеется, он прежде всего подумал о своем Франце. Но тот должен был уплатить неустойку театру. Францу пришла в голову

блестящая мысль: «организовать» призыв самого себя в армию! «Удираю, разорвав контракт. Высылай немедленно извещение о наборе», — телеграфировал он отцу и в ту же ночь уехал в Вену. Там он надел мундир, принял военную присягу, и никто уже не смел предъявить ему претензий за нарушение контракта. Так началась его 14-летняя служба в армии.

Отец и сын отлично сработались. Они разделили между собой дирижерские обязанности. Это было тем удобнее, что капелле часто приходилось играть также в курзале венского парка. Когда молодой Легар дирижировал, то его обязанности скрипача выполнял музыкант по имени Лео Фалль — будущий автор известных оперетт «Принцесса долларов», «Разведенная жена» и др.

Здесь, в Вене, Легар провел десять месяцев. Он написал несколько небольших сочинений, из которых вальс «Чары любви» и два марша были изданы. Большой успех имел его гимн, написанный на открытие памятника австрийскому драматургу Ф. Грильпарцеру. Казалось бы, все очень хорошо. Но Легар начал томиться хоть небольшой, но ощути-

мой служебной зависимостью от отца. Ему хотелось полной самостоятельности. Он узнал, что освободилось место военного капельмейстера в венгерском городке Лошонце. Отец, хотя и с неохотой, но отпустил его. Он знал характер сына: его стремлению найти свое место в жизни и самому пробить себе дорогу не страшны никакие помехи. Францу исполнилось тогда 20 лет — он был самый юный капельмейстер в австрийской армии.

Лошонц считался скучным местом. Девять тысяч жителей, низенькие домики, пыль, свиньи на главной улице. Военный гарнизон с оркестром являлся культурным и музыкальным центром. 11 октября 1890 г. состоялся первый концерт Легара в Лошонце. Исполнялись произведения Страделлы, Верди, Шуберта, Вагнера, а также Миллекера и Салливэна. Стройный, элегантный, в красивом мундире, с маленькими русыми усиками, Легар покорял сердца обывателей Лошонца и главным образом, разумеется, их дочек. Занятий ему хватало: помимо своих прямых обязанностей — репетиций и выступлений с оркестром, он основал квартет

и давал уроки музыки. Но в нем крепла мечта об опере. Осенью 1893 года он начал две оперы: «Кирасир» и «Родриго». Ни одна из них не двинулась дальше первых сцен, но молодой композитор, что называется, набил руку, преодолев многие технические трудности. Вообще же в Лошонце Легаром сочинено около 30 пьес: песни, танцы, марши, концерт для скрипки. Большинство из них было издано в Триесте, Вене и Лейпциге. Легар становился «настоящим», издающимся композитором. Все это давало творческое удовлетворение и гонорары, но его продолжало тянуть к музыкальному театру. Все чаще возникало ощущение, что Лошонц для него исчерпан, что в нем тесно, что надо шагать дальше.

В начале 1894 года произошел эпизод, после которого Лошонц для Легара кончился, так сказать, естественным путем. Легар в совершенстве владел специфически венгерской манерой скрипичной игры — импровизационно свободной, чередующей острые, взбадривающие ритмы и вибрирующую, сладкую, мягко замирающую кантилену, словно растворяющуюся в струне. Часто во время своих концертов он брал в руки скрип-

ку, и слушатели-венгры с нетерпением и восторгом ждали его импровизаций. После одного из таких выступлений в офицерском казино Легар спустился с эстрады в зал, чтобы поужинать. К его столику подошел некий майор в сопровождении кельнера. Майор потребовал, чтобы господин капельмейстер поиграл еще — специально для него. Легар побледнел. «Скажите господину майору, — произнес он, обращаясь к кельнеру, — что я не цыган-премьер». Это было неслыханной дерзостью. И сам отказ, и его форма — передача через кельнера, хотя майор стоял тут же. Майор повторил свое требование в более категорическом тоне и вторично получил столь же категоричный отказ. Теперь Легару ничего не оставалось, как уехать из Лошонца. 27 февраля 1894 года состоялся прощальный концерт Легара. Ему устроили торжественные проводы, осыпали подарками. Капелла и офицерский корпус подчеркнуто выражали свое сочувствие. Через месяц Легар дебютировал на новом месте: в гавани Пола¹, главном австрийском

---

¹ *Пола* — современное название Пула, город в Хорватии (*Изд.*).

военном порту на Адриатическом море, на южной оконечности полуострова Истрия.

Пола была вполне цивилизованным местом. Дважды в неделю приходили сюда большие пассажирские суда, прибывали свежие люди, газеты и журналы не запаздывали. В распоряжении Легара был оркестр из 110 квалифицированных музыкантов. По части репертуара он придерживался того же принципа, что и в Лошонце — чередование серьезной и легкой музыки. Несколько танцев, увертюры сочинения одного местного композитора, поурри из оперы Гумпердинка «Гензель и Гретель», отрывки из Пятой симфонии Бетховена. Он и сам написал довольно много небольших пьес, из которых одна, «Адриа-вальс», прочно вошла в репертуар военных капелл.

Легар продолжает мечтать об опере. Именно с этим жанром связывал он тогда свое безотчетное стремление к музыкальному театру. Он познакомился с капитаном корвета итальянцем Фальцари; тот сочинял лирические стихи и тексты песен. Они сблизились, часто гуляли вдвоем по берегу моря. Во время одной из прогулок Легар уговорил